

громадного тоннажа; вернуть ли пароходы обратно в порты их отправления, где, однако, не было места для хранения грузов; или же направить все пароходы из Александровска во Владивосток и Дальний, с тем, чтобы грузы попали в места назначения примерно к маю–июню 1916 года.

Согласно материалам переписки о перевозке и выгрузке грузов особой важности в 1915–1916 гг. [3], выходом из сложившейся ситуации могло стать использование пристани «Дровяная», принадлежащей Шведской Лесопромышленной Компании и расположенной на левом берегу Кольского залива, приблизительно в 4-х верстах от устья реки Туломы. Пристань была удобна для разгрузки одного большого парохода и имела даже рельсовый путь к складам леса, расположенных на возвышении от пристани 15–20 саженей (приблизительно 27,4 м). Несмотря на то, что никаких приспособлений для разгрузки пароходов на пристани не имелось, площадь для хранения грузов была значительных размеров, с приблизительной вместимостью грузов 20–30 пароходов.

Кроме того, допущенные просчёты и невозможность навигации по Белому морю привели к усилению так называемого *человеческого транзита* для строительства рельсовой колеи на участке Кола-Кандалакша строящейся мурманской железной дороги, в том числе через территории нейтральных стран: а) по финляндской дороге до станции Торнео и далее через Швецию, Норвегию в Кольский залив, б) от станций Финляндской железной дороги по существующим грунтовым дорогам Финляндии в Кандалакшу и далее вдоль строящейся линии, в) по открытым Олонецкой и Петрозаводск-Сорокской железным дорогам – до села Сорока и далее пешим ходом до Кандалакши.

Резюмируя, отметим, что транзит грузов особой важности в арктическом Беломорье был изначально рискованным, но неизбежным мероприятием Морского генштаба России, которое продемонстрировало необходимость изменения портовых расписаний, распределения портовой разгрузки на отдельных участках, ведения точного учёта прибывающих судов всех классов, а также необходимость более согласованной работы по сбору и представлению информации о ледовой обстановке.

С другой стороны, как показывают более поздние сохранившиеся документы [1], суровая зима 1915–1916 гг. способствовала формированию своего рода *человеческого измерения* войны, в основе которого лежали принципы сотрудничества и взаимопомощи России и Финляндии как части Российской империи, Швеции и сопредельных регионов Норвегии.

1. Переписка по вопросу сношения с представителями Строительного управления в Нарвике (30 января 1916 – 24 мая 1916) // Фонд 320 оп.3 ед. хр. № 547. Национальный архив Республики Карелия.
2. Семенович, В. Н. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях / В.Н. Семенович. – Санкт-Петербург: Изд-во Аврора, 2016. – 199 с.
3. Переписка о перевозке и выгрузке грузов особой важности // Управление постройки мурманской железной дороги. 30 декабря 1915 – 28 марта 1916. Национальный архив Республики Карелия. 108 с.
4. Шведе, Е. Е. Северный морской театр [Электрон. ресурс] : Центральный Военно-Морской Портал / Е. Е. Шведе. – Электрон. дан. – [Москва], 2023. – URL: <https://flot.com/history/patriotwar/sev1.htm?print=Y>.

Чикалова И.Р.

МЕМУАРЫ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ И ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Советскими издательствами систематически публиковались воспоминания свидетелей и участников Первой мировой войны, но только тех из них, кто перешел на сторону Советской власти, служил в Красной Армии или, по крайней мере, в эмиграции не принимал активного участия в антисоветской борьбе.

Отдельное место в блоке мемуарной литературы занимают воспоминания государственных деятелей. В них дипломаты А. П. Извольский и С. Д. Сазонов показали закулисные стороны международных взаимоотношений и процесс принятия ключевых решений. Политические и общественные деятели, в их числе М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. В. Шульгин, описали катастрофическую ситуацию в стране, выход из которой усматривали в перемене власти. Во что вылилась эта перемена власти, когда она свершилась в результате Февральской революции, видно из воспоминаний деятелей Временного правительства А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова, А. И. Верховского.

Серьезный пласт мемуарной литературы составляют воспоминания военных министров. Ими были В. А. Сухомлинов (11 марта 1909 – 12 июня 1915 г.), А. А. Поливанов (13 июня 1915 – 15 марта 1916), Д. С. Шуваев (15 марта 1916 – 3 января 1917), М. А. Беляев (3 января 1917 – 1 марта 1917). В должности морского министра состоял И.К. Григорович (19 марта 1911 – 1 марта 1917). Во Временном правительстве военное и морское ведомство возглавляли А. И. Гучков (2 марта 1917 – 30 апреля 1917), А. Ф. Керенский (5 мая 1917 – 30 августа 1917), А. И. Верховский (30 августа 1917 – 20 октября 1917). Все названные министры, кроме Шуваева и Беляева, оставили воспоминания.

После завершения войны мемуары написали многие генералы (А. А. Брусилов, В. И. Гурко, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, Ю. Н. Данилов и др.), занимавшие ключевые должности в армии (Верховного главнокомандующего, главнокомандующих фронтами, командующих армиями), а также служившие под их началом начальники штабов и квартирмейстеры. При этом вышедшие в зарубежных издательствах на русском языке мемуары ряда генералов российской армии, стали доступны массовому читателю только после распада Советского Союза либо через открывшиеся ранее недоступные фонды крупных библиотек, либо благодаря переизданиям прежде запрещенных книг. В воспоминаниях военных деятелей представлена развернутая картина принятия стратегических решений и тактических действий по их осуществлению.

Участники войны в генеральских чинах, занимавшие сравнительно невысокие должности – командиров корпусов, дивизий, бригад, начальников штабов воинских подразделений этого уровня, также создали значительный пласт мемуарной литературы. Внимание этих авторов привлекают сражения, в которых они лично участвовали, описания ограничены масштабами действий подчиненных им подразделений и основаны на личных впечатлениях. В воспоминаниях командиров дивизий и бригад зачастую не найти глубокого анализа решений командования в масштабе армии и тем более фронта, но результаты осуществления замыслов высшего командования они ощущали на боевой судьбе своих частей, и это давало основания для оценки и критики вышестоящих начальников.

В своих воспоминаниях в зависимости от степени участия в описываемых событиях генералы концентрируются на нескольких ключевых темах. Это собственно боевые операции: Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская, Нарочская, наступление Юго-Западного фронта летом 1916 г., попытка июньского наступления 1917 г. Кроме того, в них постоянно присутствуют рассуждения о профессиональных качествах военного руководства – Верховного главнокомандующего, военных министров, главнокомандующих фронтами, командующих армиями и корпусами, даже командиров дивизий, провалах в обеспечении армии вооружением и кадровыми резервами, негативных последствиях принятия Николаем II обязанностей Верховного главнокомандующего вооруженными силами России, отречении императора, разложении армии накануне и после Февральской революции, ее отношении к революции.

Хотя мемуары являются ценнейшими историко-литературными памятниками эпохи, позволяющими из первых рук узнать о личном восприятии событий эпохи, свидетелями и участниками которых были их авторы, глубже и рельефнее понять первопричины принятия тех или иных решений, роли самих авторов в изменении хода событий на глобальном и локальном уровнях, нельзя забывать и о некоторых особенностях такой литературы. От нее не стоит ожидать систематизированного и последовательного рассказа о ходе событий. А. А. Брусилов предупреждал своих читателей: «Я никогда не вел дневника и сохранил лишь кое-какие записки, массу телеграмм и отметки на картах с обозначением положения своих и неприятельских войск в каждой операции, которую совершал. Великие события, участием которых я был, легли неизгладимыми чертами в моей памяти. Я не имею намерения писать связанных между собой подробных исторических воспоминаний о мировой войне, и тем более не в моих намерениях подробно описывать боевые действия тех армий, которыми мне пришлось командовать во время этой войны. Цель моих воспоминаний – более скромная. Она состоит в том, чтобы описать мои личные впечатления и переживания в тех великих событиях, в которых я был или действующим лицом, или свидетелем» [1, с. 55]. Но именно в этом – засвидетельствовать и оценить события с позиций их «действующего лица» – и есть наибольшая ценность мемуаров.

Конечно, надо учитывать, что авторы мемуаров зачастую не до конца откровенны. Но это не единственное их уязвимое место. Они создавались и выходили в свет спустя более или менее продолжительное время после того, как происходили освещаемые события. В связи с этим их уязвимость не только в субъективности свидетельств, но и во вполне возможных пробелах памяти автора. Тот же П. Н. Милюков, взявшийся за создание мемуаров только на 82-м году жизни, а это был 1940 г., не скрывал наличия этой проблемы: «Я приступаю к писанию при отсутствии всяких материалов, кроме запаса моей памяти. Говорят, что в старости восстает в памяти особенно ярко и точно самое отдаленное прошлое. В своем случае я этого не нахожу. Слишком многое забыто, в том числе, вероятно, и много существенного. Прошлое выплывает из памяти в разорванных обрывках, отдельных эпизодах, врезавшихся в память, и чтобы восстановить из этих обрывков какое-нибудь целое, нужно сразу перейти из годов младенчества к годам, когда возникает сознание о себе как части этого целого. Это сознание начинается довольно поздно, а складывается в общую картину еще позднее – и уже тогда, когда к *Wahrheit* примешивается значительное количество *Dichtung*. Но тогда эта *Dichtung* ретроспективно вмешивается и в попытки описать прошлое, пережитое в состоянии неполного сознания. Отсюда, рядом с неполнотой, и неизбежная недостоверность воспоминаний» [8, т. 1, с. 7].

В таком положении могли оказаться и другие мемуаристы, допускавшие неполноту и недостоверность воспоминаний вследствие ошибок памяти. Можно ли в таких обстоятельствах доверять авторам? Предвидя возможность подобных сомнений, многие из них сами стремились развеять их.

Генерал Я. М. Ларионов, например, предварил свои «Записки» уведомлением: «Фактическая часть “Записок” написана в период 1916–1918 года по имевшимся в моем распоряжении полевым документам и дневнику, а ... события и факты были ещё свежи в памяти» [5, с. I]. Не только личные воспоминания лежат и в основе книги генерала Данилова, который также считал нужным объяснить: «я изучил ряд архивных материалов, имеющихся в Париже; внимательно ознакомился со всей той, правда, скудной литературой, которая вышла по войне на русском фронте, и использовал любезное указание и рассказы некоторых участников былых событий» [2, с. II]. С возможными негативными сторонами мемуарной литературы приходится мириться: преимущество получения эксклюзивной информации из первых рук превосходит недостатки замалчивания автором невыгодных для него сведений, ошибок памяти или субъективной интерпретации описываемых событий и поступков, свидетелем или участником которых довелось быть мемуаристу.

Ценность содержащейся в мемуарах информации часто превосходит возможное в некоторых случаях негативное отношение к автору. В этом отношении характерен пример М. К. Лемке. Этот мемуарист, по гражданской профессии журналист, в 1915–1916 гг. проходил службу в Ставке Верховного главнокомандующего русской армии в качестве военного цензора. О своем пребывании в Ставке он и рассказывает в воспоминаниях [6]. Лемке, по собственным признаниям, как только начал работать в Ставке, записывал все, что удавалось узнать за день из разговоров, – и не только: «материалами для меня служили прежде всего бесчисленные документы, проходившие через или около меня, чаще же (и в очень большом числе) попадавшие мне под без усталости искавшую их руку. Все они тщательно копировались». Узванное и скопированное Лемке переносил в записи, «которыми иногда были буквально переполнены мои бесчисленные офицерские карманы, расшифровывались дома, на покое, за несколькими запорами входных дверей, и вместе с копиями документов вносились в очередную тетрадь... Заполненные тетради отсылались в Петербург, где и хранились в надежном месте» [6, с. XIV].

Информацию Лемке, естественно, отсылал некоему неназванному лицу. А как этот хранитель полученных от Лемке документов обеспечивал их сохранность? Невольно приходится привести наблюдения генерала А. С. Лукомского: «Многое, что говорилось и делалось в центральных управлениях в Петрограде, и многие распоряжения высших штабов доходили до немцев скорее, чем до наших войск, до которых они относились. Известны случаи, когда на германских позициях выставлялись плакаты, в которых сообщалось о предстоящем передвижении частей, стоявших перед немцами. И действительно, через день – два такое распоряжение получалось. Впоследствии выяснилось, что германцы действительно были хорошо осведомлены не только о том, что делалось у нас на фронте, но и в глубоком тылу. Виноваты, конечно, были в этом прежде всего сами русские. Уж очень любим мы делиться всякими новостями, не соображаясь с их секретным характером» [7, с. 87]. Информационная цена документов Ставки была невероятно высока, от нее зависели судьбы операций. Авторы мемуаров приводят на это счет множество примеров. 4 июня 1915 г. началось наступление Брусилова на Юго-Западном фронте, о котором Родзянко пишет: «офицеры, участники наступления, считали, что успеху операции помогло то обстоятельство, что Брусилов начал наступление на полтора суток раньше назначенного Ставкой срока: в армии ходили упорные слухи, что в Ставке существует шпионаж и что враг раньше нас осведомлен о всех наших передвижениях. К сожалению, многие факты подтверждали это подозрение» [9, с. 162].

Возвращаясь к мемуарам Лемке, следует признать, что сейчас уже не установить, были ли похищенные документы и полученные сведения использованы только им самим для написания воспоминаний или ими воспользовался кто-нибудь еще: интересующихся могло быть достаточно – документы-то касались управления войсками во время войны. Нет никаких данных, позволяющих подозревать Лемке, но возникают вопросы не только об этичности и законности действий автора, похищавшего военную информацию, надо полагать, во многих случаях секретную и не подлежащую оглашению. За давностью лет выяснение последствий деятельности Лемке ушло на второй план, а скрупулезная, систематическая и без изъятий фиксация событий повседневной внутренней жизни и решений Ставки сделала записи Лемке ценнейшим историческим источником.

Субъективность авторов воспоминаний в полной мере присуща и тем, кто писал вступительные статьи к их изданиям, равно как и рецензентам, размещавшим свои материалы в общественно-политических и научных журналах. Особенно это относится к мемуарам военных и политических деятелей эпохи Первой мировой войны, опубликованным в Советской России и СССР в 1920-х – 1930-х годах. Практически каждому из них предпосланы предисловия с откровенно негативными оценками как личности автора, так и самих мемуаров.

Например, Л. Нежданов представляет советскому читателю министра иностранных дел России А. П. Извольского как одного из «вдохновителей мировой бойни», который «мог бы многое рассказать и о своей роли в подготовке мировой войны, и о других виновниках этой войны, о многом другом». Однако в «Воспоминаниях» «бывший царский дипломат старается скользить по поверх-

ности», «кроме наивностей в воспоминаниях Извольского очень много вздора – сознательного или бессознательного, сказать трудно». И вообще, «читая его воспоминания, просто поражаешься, как может человек, занимавший еще недавно такой ответственный пост, сочинять на глазах всего мира, столько небылиц, и врать – выражаясь вульгарно – без зазрения совести» [4, с. 5, 6, 10, 11].

Как относиться к этим уничижительным оценкам? С одной стороны, мемуары высокопоставленного чиновника низвергнутого режима, какими бы достоинствами они ни обладали, не могли получить не только благосклонного, но и более или менее лояльного, научно объективного отзыва от победившей власти. С другой, – политический режим Советской власти еще не заостенел настолько, чтобы поставить жесткий цензурный запрет на публикацию материалов, принадлежавших идейным врагам. С третьей, – желая взять на вооружение в изобилии содержащийся в мемуарах разоблачительный материал, вынуждены были публиковать тексты, вводя тем самым в широкий оборот огромный пласт свидетельств очевидцев и участников событий. Нежданов завершает свое разгромное «Предисловие» признанием: «воспоминания бывшего министра иностранных дел во многих отношениях представляют большой интерес. О многом мы узнаем из воспоминаний Извольского впервые. Многие, нам уже известное, он дополняет многими интересными подробностями». Тут его оценки совсем другие: «большой интерес» – о договоре в Бьёрке, «чрезвычайно интересен» – рассказ об инциденте в Доггер-банке, «немало интересного» – о совещаниях Милюкова со Столыпиным [4, с. 10, 11]. И это только немногие примеры из разряда «интересных». Так что, кроме «небылиц» в мемуарах, по Нежданову, есть и то, что заслуживает внимания. Подходы и многих других рецензентов зачастую сходны с теми, которые он продемонстрировал.

Мемуары, как никакой другой источник, передают дух эпохи. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко предпослал книге «Крушение империи» вступление, в котором определил и свой творческий метод: «я буду базироваться на многих документах, имеющихся у меня, и на сохранившихся личных записках. Мне придется, однако, иногда приводить и бродившие в русском обществе слухи и рассказы, которые дают прямое отражение настроения умов описываемой эпохи» [9, с. 10]. «Слухи и рассказы», конечно, не могут быть достоверным историческим источником, но Родзянко прав, утверждая, что по ним можно судить об общественном настроении и представлениях широких масс о тех или иных явлениях. Подтверждение этому можно найти и у А. И. Деникина. Рассуждая о переменах в отношении армии к династии, он сделал вывод: «В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ею в отношении фельдмаршала Китченера¹, о поездке которой она, якобы, сообщила немцам, и т.д. Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции» [3, вып. 1, с. 17].

Действительно, в мемуарах могут присутствовать дух и настроения эпохи во всем их своеобразии. Но далеко не всегда мемуарист способен передать их так, как ощущал в момент события: время приносит новое отношение к тому, что он видел и в чем участвовал. Сам рассказ о событии становится позднейшей его интерпретацией. И все же запечатленные личной памятью автора факты дополняют сведения из других источников, позволяют раскрыть нюансы, никакими официальными документами не передаваемые. Это свойство мемуаров притягивает к ним внимание читателей, сколько бы времени ни прошло с момента их появления, а также делает их ценными источниками для исследователя, в том числе занимающегося историей Первой мировой войны.

1. Брусилов, А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. ; Л. : Госиздат, 1929. – 249 с.
2. Данилов, Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. / Ю. Н. Данилов. – Берлин : Слово, 1924. – II, 396 с.
3. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. [В 5-ти т.]. – Париж ; Берлин : Я. Поволоцкий ; Слово, 1921–1926. – Т. 1 : Крушение власти и армии (Февраль – сентябрь 1917 г.). – Вып. 1–2. – Париж, 1921.
4. Извольский, А. П. Воспоминания / А. П. Извольский / пер. с англ. Л. Сперанского ; [пред. Л. Нежданова]. – Пг. ; М. : Петроград, 1924. – 191 с.
5. Ларионов, Я. М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русской армии на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны (Составлено по дневнику и полевым документам) / Я. М. Ларионов. – Харбин, 1936. – VI, XI, IV, 220, 13, III с.
6. Лемке, М. 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.) / М. Лемке. – Пг. : Госиздат, 1920. – XVIII, 859 с.
7. Лукомский, А. С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского : в 2 т. / А. С. Лукомский. – Берлин : Отто Кирхнер и К°, 1922. – Т. 1. – 300, [1] с.
8. Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П. Н. Милюков / под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина. – Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1955. – Т. 1. – 438 с.; Т. 2. – 397 с.
9. Родзянко, М. В. Крушение империи / М. В. Родзянко. – Изд. 2-е. – Л. : Прибой, 1929. – 272 с.

¹ Китченер – военный министр Великобритании. 5 июня 1916 г. отплыл с визитом в Россию на крейсере «Хэмпшир». Корабль погорел на мине, установленной германской подводной лодкой. Погибли почти все, в том числе Китченер.